

Б И Б Л И О Т Е К А

ОГОНЁК

№ 25

1976

Лев КОНДЫРЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»
М О С К В А

РУКОПОЖАТИЕ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 25

Лев КОНДЫРЕВ

РУКОПОЖАТИЕ

СТИХИ

Издательство «ПРАВДА»
Москва. 1976

Лев КОНДЫРЕВ

Лев Николаевич Кондырев родился в старинном русском городе Туле. Шестнадцатилетним подростком пошел работать на тульский оружейный завод. Был чернорабочим, землекопом, бетонщиком, арматурщиком. Работая на заводе, активно участвовал в художественной самодеятельности клуба строителей. В числе лучших самодеятельных актеров был принят в состав театра малых форм «Коммунар» города Тулы. Тогда же начал писать стихи. Некоторые из них были опубликованы в тульском журнале «Молот» и областной комсомольской газете.

Первая книжка стихов Льва Кондырева, «Огонь», вышла в Западно-Сибирском издательстве. После нее вышло более 25 книг поэта в различных издательствах страны. В их числе сборники стихов «Смелое сердце», «Лучшему другу», «У мыса Хобей», «Стрела», «Жар-птица», «Небо в реке», «Радуга», «Избранное».

Лев Кондырев — автор многих популярных песен, созданных в содружестве с Мурадели, Туликовым, Листовым, Левашовым и другими композиторами.

ПЕСНЯ РОМАНТИКОВ

За окнами стелется стежка-дорожка.
Черемухи тени лежат на полу.
Давайте, друзья, помечтаем немножко,
Мечта разгоняет вечернюю мглу.

Пусть струны звенят в тишине глуховато.
Зажгись, наша песня, как искра в золе.
Хорошая должность, ребята,
Мечтателем быть на земле.

Мечтатель не гость, налегке проходящий,
С небрежным, рассеянным видом сквозь век.
Нет, это, друзья, человек настоящий,
Душевной, большой красоты человек.

Сестре он поможет, он выручит брата,
Разделит с товарищем хлеб на столе.
Хорошая должность, ребята,
Мечтателем быть на земле.

Зовет нас мечта, словно синяя птица,
На штурм поднебесья и северных льдов.
И если мечтателю ночью не спится,
То, значит, мечтатель на подвиг готов.

Мелькают года, и сменяются даты.
Горит наша песня, как искра в золе.
Хорошая должность, ребята,
Мечтателем быть на земле.

КОРАЛЛОВО

Кораллово... Люблю горящий ало
Твой свет, идущий к сердцу из глубин,
Из горьковатой нежности коралла
Твоих густых коралловых рябин.

Старинный дом помещицъей усадьбы,
Теперь дом отдыха, спускается с горы,
Когда-то здесь кружились вихрем свадьбы,
Гремели котильонами пиры.

Ушедший век... Он струями фонтана
Здесь отзвучал... Остались с тех времен
Заросший пруд... Аллея Левитана
И холодок дорических колонн.

О, как они мне дороги и милы
Земли моей славянской чудеса!
Полынный холм, где братские могилы,
И луг в цвету... И в золоте леса...

Простор полей, где бродит память детства
По тропам перевозданной тишины,
Нет, странным мне не кажется соседство
Апофеоза мира и войны.

И это соловьиное стаккато,
Летающее в березовый прогал,
И сполохи осеннего заката,
Похожие на дымчатый коралл.

СИНЕВА

Рассекая плечом синеву
Неподвижных полуночных вод,
Возле каменных шхер на плаву,
Замедляет свой бег теплоход.

Нет не туч синева там вдали,
Не туман на песчаной косе...
Синева — это нежность земли,
Запах ранних фиалок в росе.

Как стираются часто слова,
Промелькнув, словно гривы коней!
Синева, Синева, Синева!
Сколько смысла глубокого в ней!

Появился ребенок на свет,
Тонет в розовых складках простынь,
Но в глазах его робости нет,
В них небес его Родины синь.

Русь моя! Как широк твой простор!
Степи в мареве знойной травы,
Панорамные росчерки гор
Тушью строгой густой синевы.

В золотых камышах острова,
Журавлей в облаках разворот...
И опять Синева, Синева...
У калиток оград и ворот.

Нет начала и нет ей конца,
Не хочу лишь, чтоб видели вы
Синеву на висках мертвеца,
Бледно-синие губы вдовы...

Мир прекрасен! Плетут кружева
Волны моря, тучнеют хлеба...
И в сиянии звезд синева
По планете идет, как судьба!

ОЗЕРО ОНЕГО

Озеро Онего... Лес и скалы...
Горизонта сумеречный чад.
В хвойной чаще руны Калевалы
Родниками горными журчат.

Стертый льдами берег низко, низко
Стелется вдали сквозь камыши,
Поворот... И встали обелиском
Зодчества церковного Кижи...

Боже мой! Какая панорама!
В зорях петушиного пера
Врублены в Онего главы храма
Чудотворным взмахом топора.

Червь их гложет грубо и цинично,
В стенах реставрации бинты,
Но они не портят безграничной,
Дивной, вдохновенной красоты.

Тянут на песчаник побережья
Волны сонный невод тишины.
Смотрят исподлобья, по-медвежьи
В рубку «метеора» валуны.

Вяжет десны ягода-кислица,
За кормой коряг плывут сучки.
Сосны, выбегая к нам проститься,
Щурят вслед зеленые зрачки.

Что нас ждет, гадать пока не надо.
Пусть позднее в памяти всплывет
Мачт Петрозаводска колоннада,
Облачный стремительный полет.

Кивач... Мхов таинственная нега,
Воздух, опьяняющий, как хмель,
Северное озеро Онего,
Голубой Карелии купель!

МСТЁРА

Где ныряет под вечер в сугробы снегирь,
Растопырив крыла красноперо,
В черно-лаковый бор за деревней Сингирь,
Мечет лунное золото Мстёра.

Синеглаза, пригожа она, высока,
На груди родники, словно бусы,
Вьется шелковой лентою Клязьма-река,
В волосах ее дымчатых, русых.

Мастерица, искусница, девам иным.
В честь, в пример, не груба, не спесива,
Словно в сказке махнет рукавом кружевным,
И творятся предивные дива.

Князя Игоря в битву бросается полк,
Гнутся шлемы, ломаются кости.
Интригующий Красную Шапочку Волк
Попадает в капкан своей злости.

Скоморохи ведут разговоры с козой,
Бьют остротами чванное барство.
Ярославна в Путивле горючей слезой
Цементирует мощь государства.

Мчатся годы... За веком сменяется век,
И деревья глядят, словно дети, —

В звездном шлеме герой, богатырь-человек,
С космодрома летит на ракете.

Я о всех чудесах рассказать не берусь,
Филигранны, строги их узоры:
Это жизнь, это свет, это мысль, это Русь,
Воплощенная гением Мстёры.

ГОРЫ

В зенит уходят горные высоты,
Встают из бурь гигантские хребты...
Процесс геологической работы,
Земной разбег, крутые развороты
Их к солнцу вознесли из темноты.
Загадочно глядят на мирозданье
Глаза морей в надбровных дугах гор,
То нежность к людям — синее сиянье,
То гнев багровый — магмы клокотанье
Несет для человечества их взор.
Навек с горами памятны мне встречи,
Где птица-мысль мужает на лету.
Глазами их я вижу издалече
В ржаных полях и у литейной печи,
Моих друзей натруженные плечи,
И тщетность вражьих дел и пустоту.
Могучи горы в дымке-панораме...
«На низость» тут нацелен каждый пик,
Когда сравниться хочешь ты с горами,
В Карпатах иль Сиерра-Гвадараме,
То в гневе будь и в нежности велик!

БЫСТРУХА

Где бор мохнатым ухом
К сырой земле приник,
Бежит река Быструха,
Вся в бусах куманик.

Плескается, резвится —
Быль девке не укор.
Сквозь русые ресницы
Мерцает синий взор.

Бор слушает, как струи
Звенят в устах камней,
Быструхи поцелуи
То тише, то сильней.

Бор думает: — Ах, лада!
Тебе в родном краю
Расплескивать не надо
Красу — любовь свою.

Он хмурится, как туча,
На сердце пряча гнев.
От ревности дремучей
К Быструхе побурев.

Он тянется к ней в ласке,
Стирая тень с лица...
Бежит река, как в сказке...
И сказке нет конца...

ВОСХОД

Льняного поля голубой платок,
Густой каймой ромашки отороченный,
Снял пальцами лучей своих Восток
С березки, чем-то грустно озабоченной.

Он целовал зеленые глаза
Лесной невесты, гладил плечи нежные.
Дрожа от счастья, капелька-слеза
С ее ресниц скатилась в тень прибрежную.

Люблю в полях студеные утра,
Где у берез, крича в небесной просини,
Вдаль журавли уходят сквозь ветра,
И клином вышибают тучи осени.

НА БЕРЕГУ СЕСТРЫ

Журчит, бежит студеная Сестра,
По травушкам-муравушкам овражка,
Где в трауре угасшего костра
Качается, как звездочка, ромашка.

Люблю костры ночные у реки,
Когда трещат березовые сучья,

Когда огни, как гончих языки,
Облизывают берег криволучья.

Кипит в котле тройной навар ухи,
Туман повис крылом тетеревиным,
А искры сами просятся в стихи,
Жужжат, подобно маленьким турбинам.

И гаснут вдруг... Но даль еще светла...
Вот так же где-то в роще, у овражка
В пути сгорит душа моя дотла,
И звездочной взойдет над ней ромашка...

ТЕТРАДЬ

*«Как о воде протекшей будешь вспоминать...»
(Из книги Иова).*

Крылом залетной чайки над обрывом
Белела позабытая тетрадь...
Был женский почерк резким, торопливым
«...не жди меня, желаю быть счастливым...»

Ты обо мне, придя сюда к оливам,
Как о воде протекшей, будешь вспоминать».
Подобно синим граням самоцвета
Переливался в мареве лиман...
Сияло утро солнечно, а где-то

По тропам жизни чья-то шла Одетта,
Офелия,
Манон
или Джульетта,
И на сердце лежал ее туман...

Когда-нибудь мы рухнем все в потемки,
В сырую землю, в тишь ее и гладь...

Но ты дерзай, не оставляй обломки
Мечты своей, не следуй незнакомке
Чтоб о тебе не вздумали потомки,
Как о воде протекшей вспоминать...

СЕРЕБРЯНЫЙ ОЛЕНЬ

В саду густая буйствует сирень,
Вечерний сумрак на ограду лег.
И месяц, как серебряный олень,
Рога закинув, скачет вдоль дорог.

Вот прыгнул он в заречные луга,
Спасаясь от созвездья Гончих Псов.
Над циферблатом заводи рога
Скользят, как стрелки сказочных часов.

Какая сонь... Какая синь... И тишь...
Я рассказать об этом не берусь.
Стоит на страже дум моих камыш,
Олень—травой и медом пахнет Русь.

МИРАЖ

Пески, пески... Верблюжий след на глине...
Мертвящий душу, тягостный пейзаж...
И вдруг родник! Живая кровь пустыни!
В коронах пальм... Но это лишь мираж!..

В нем строгий профиль гурии с кувшином,
Дворцов из яшм и бронзы антураж...
Любовь и власть, заветный путь к вершинам
У ног твоих, но это лишь мираж!..

Не той тропой ты шел, чтобы склониться
К источнику в оправе звездных чаш.
Там впереди надежд твоих гробница,
А жизнь твоя лишь призрачный мираж!..

О, если б ты, томим духовной жаждой,
Искал не к славе легкий экипаж,
Не к праздности, то не привел бы каждый
Твой шаг тебя в пустыню, где мираж...

Виденье... Сон... А в нем пред витражами
Цветного зноя Мекки, у ворот,
Сидит дервиш... И делит с дервишами
Пустую кладь... А караван идет!

ФАНТАЗИЯ

Фантазия... Сегодня я не в духе...
Опять в полночной сонной тишине,
В зловещем образе трагической старухи,
С котомкой нищею явилась ты ко мне.

Я ждал тебя девчонкою с покоса,
В кудряшках рыжих, в тапочках в росе,
А ты, как дама-пик черноволоса,
Болтлива, как сорока на лозе.

Прочь, уходи! Мне за тебя неловко.
Не лей напрасно слезы по плащу...
Но если это шутка? Маскировка?
Тогда вернись... Я все тебе прощу!..

СТАРАЯ ДАЧА

Осенним золотом завесили окно
Жасмин и жимолость, узор их стал богаче.
Но все уже уехали давно
Со старой, никому не нужной дачи,

А, помнится, в былые времена
Не затихал в ней смех до снегопада,
Но умер муж, скорбя сошла жена
С проезжим скрипачом из Павлограда,

Ребята в вузах, новый ректор крут,
Нужна, как воздух каждая минута,
Когда науки юношей влекут,
Им вовсе не до дачного уютя.

В тиши чуть слышно плещется вода
По бревнам родникового колодца.
Капусты сохнет чахлая гряда,
Над ней пыльца оранжевая вьется.

Уселся беглый кочет на заплот.
Клюв под крыло стыдливо прячет птица.
А дача стонет... Мучается, ждет...
Надеется, что кто-то возвратится...

НОЧНАЯ ЯЛТА

Сияют в полночи над ней,
Горят, как планки орденов,
Лучи-лучей, огни-огней
Над бухтой в глыбах валунов.

Гориста Ялта... Рвут гранит
На набережной стебли трав,
Где Чехов бронзовый сидит,
Бродить по улицам устав.

Туманный, пряный запах роз
Уносит к горизонту бриз.
Волна с утеса на утес
Взлетает вверх, ложится вниз.

Гудят, как струны, провода
Звенящим брызгам в унисон.
Несет поющая вода.
Пронизанный озоном сон.

Он легок, быстр... И вот рассвет
В окошке делает мне знак
— Проснулся песенник-поэт,
О чем задумался: — Да, так...

О разном думал... О тебе...
Каким ко мне придешь ты в дом?
О человеческой судьбе...
О счастье, созданном трудом.

О красоте родной земли
В лугах, в полях, в огнях дворцов,
В седых курганах, где легли,
Как сабли, кости храбрецов.

На этом кончим разговор...
Боюсь... Дорога далека...
Умчатся мыслями в Боспор,
В давно минувшие века.

Посмотрим лучше виражи
Над Ялтой чаек в ранний час.
Крик чайки—крик ее души,
Зовущий в даль морскую нас.

МАЯК

В фиордах бездны, там, где мрак,
Клубясь, ревет разноголосо,
Как Прометей встает маяк
На мшистом цоколе утеса.

В цепях трагических ночей,
В ракушечной ледовой хмури,
Захлестнут пеной до плечей,
Бросает он перчатку буре.

Клокочет хлябь... Но струй багры
Не смогут с вахты сбить титана.
Тускнеют в схватке с ним бугры
Мускулатуры океана.

Плывите, люди, сквозь века...
Вам верный путь укажет, рдея,
Огни несущая рука —
Небесный факел Прометей!

ИСПАНСКИЙ ДРОК

В рассветные прорези синего дыма,
Которым клубится Мисхор,
Он дышит соленым дыханием Крыма,
Сухую известкою гор.

Кустарник колючий, простер он широко
Соцветий своих бахромю.
Ночами, потомку испанского дрока,
Кастилия снится ему.

Склонившись на грудь к черноморской рябине,
Он что-то ей шепчет во мгле.
Растенья, как люди, грустят на чужбине
О милой их сердцу земле.

ЦИКЛОН

Когда, не помню, кажется, в июне,
Настиг меня в Прибалтине циклон.
Как колокол огромный из латуни,
Гудело море — дон...

дон...

дон...

На дне морском сквозь дымную завесу
Я видел щепки клотиков и рей.
Бил колокол... Служило море мессу
По душам им убитых кораблей.

АМФОРА

Вот амфора. Она в ракушках мидий.
Ее судьбою занят я давно.
Мне говорят, что сам великий Фидий
Пил из нее фракийское вино.

Пил потому, что так душа хотела,
И потому что, как ни странно, в ней
Он видел стройность девственного тела
Своей мечты, возлюбленной своей.

А после ехал скульптор в мастерскую,
Вздыхал резца крутое острие.
И амфора ждала его, тоскуя,
Но Фидий в море выбросил ее.

ВОДОРОСЛИ

Таинственны подводные леса.
Моллюски вьют на их деревьях гнезда,
Наяд там слышны в чаще голоса,
Там по ночам горят морские звезды.

Нырнет неосторожный краболов
В кисель зеленых движущихся теней,
Застрянет там между кривых стволов
И будет спать, не видя сновидений.

Загадочен глубинный мир чудес:
Колонны скал и мхов косматых лоно,
Где рыба-меч с мечом наперевес
Хранит хрустальный замок Посейдона.

ПЕСКИ

Морских песков знакомо мне коварство:
Они своим бездушием сильны.
Народы, города и государства
В безмолвье желтом их погребены.

Пески грызут планету, как волчанка,
Но жизнь опять берет свои права.
Сквозь твердь их пробивается песчанка —
Упорства небывалого трава.

Потом в песках раскидывает ветки
Деревьев величаявя гряды.
И под зарей невиданной расцветки
Встают сады, народы, города.

БАНАЛЬНОСТЬ

Перо орла возьми и руки вымой,
Раскрой, поэт, мечты своей тетрадь,
Когда веночек сонетов о любимой,
Как Данте, ты задумал написать.

Не говори, что пишешь кровью сердца,
Бессмертной эманацией души,
И даже в данном случае про скерцо
Соловухи смиришься и не пиши.

Убьет весь трепет чувств твоих банальность,
Бесплоден будет труд твой, скучен, плоск...
А ведь стихам нужна материальность,
Блеск мастерства, раздумье, а не лоск.

Когда прожгут слова твои бумагу,
Как факел, вспыхнув в сумрачной ночи,
По-рыцарски возьми сонет на шпагу
Земной оси... И женщине вручи.

РЕКВИЕМ

В Соколовой.

Как ласточки полет, как тень ее крыла,
Мелькнула жизнь твоя передо мной.
Как будто ты была и не была,
Так быстро путь твой кончился земной!

Росистой розы трепетный бутон
Кладу я на могильную плиту.
Как ласточки полет, пускай твой будет сон,
Как тень крыла, что гаснет на лету.

ПРИНЦЕССА МАРДЖИД

Летним бронзовым утром, прозвякав двукратно,
Телефон мне сказал голоском инженеру:
— Милый друг, вы забыли меня, вероятно,
Ну а я к вам из юности вашей звоню.

Да, конечно, та девочка, помните, Мура...
Выпускные экзамены... Тютчев и Фет...
Жду вас вечером, в девять, на крыльях Амура
Прилетайте сквозь марево прожитых лет.

Взлет... И я, как во сне, как в тумане,
Спотыкаясь, к шестому бегу этажу.
Настежь дверь... Кавалер Де Грие на диване.
С ненаглядной мечтою своей я сижу.

За окном тополевые шепчутся ветки,
Нам интимно мигает плафон на стене.
Словно бархатный мячик, колено соседки
Прижимается томно и нежно ко мне.

Мы листаем любви нашей давней балладу,
Голубые страницы, минувшего вязь,
Где вприпрыжку бежит по Нескучному саду
Золотая девчонка, лукаво смеясь.

Мы, целуясь, идем с ней Неглинкой, похожей
На славянскую сказку в полуночный час.
Как на звезды, упавшие с неба, прохожий
Очень долго и пристально смотрит на нас.

После шахмат: гамбита и вечного шаха —
Нас в концерте со штор осыпает пыльца.
И органные фуги надменного Баха
Потрясают наивные наши сердца.

Жизнь казалась тогда удивительно новой
В акварельные, давние те времена.
Но, закутана в саван пожарищ багровый,
Вдруг нависла над юностью нашей ВОЙНА!..

Над Россией в венке из ромашек и мяты,
Над землей моих предков, священной навек,
Где дымились родные, отцовские хаты,
Осыпая ресницы с обугленных век.

Гром катился к Москве вдоль полей и покосов...
Клейма свастики метили танковый вал.
И с друзьями-погодками Саша Матросов
Перед ним, словно щит, легендарный вставал.

Память! Память! С тобой мы последние крохи
Часто делим немногих свободных часов.
Что ж, заглянем в железные дни той эпохи,
В партизанские дебри смоленских лесов.

Отстегнем ремешок фронтового блокнота,
Где меж горестных дат и суровых замет
Амулетом хранится заветное фото
Белокурой весталки семнадцати лет.

Боже мой! Как нелепо она растолстела,
Эта девочка Греза, мой детский роман!
Только голос все тот, и плывет каравелла
Нашей встречи в безбрежный, как мир, океан.

За кормою медлительно стелется пена,
От соленого ветра прохладно во рту.
Курс все тот же, но вдруг от внезапного крена
Вместе с небом за борт я лечу, в пустоту!

Я тону где-то, кажется, возле Ямайки.
Не видать над скалой светового луча.
Издалека откуда-то голос хозяйки
До меня долетает, как струйка журча:

— Милый друг, не могу... Не скрываю я тайну...
Тосковал о тебе твой запечный сверчок,
Всю войну тебя ждал, а потом мне случайно
Подвернулся забавный один старичок,

Очень тихий, похожий на доброго джина,
Эфемерный... Чихни и сметут ветерки.
Но квартира, коллекции, яхта, машина...
И уютная дача — свои цветники...

С ним фортуна нас в люльке качала три года.
Звал меня он Кармен и принцессой Марджид,
Сам все чаще болел, а теперь возле входа
Склифосовской, смертельной палаты лежит.

— Ну и что? — я спросил — состоялось прощанье?
— Нет, зачем его мучить, — вздохнула она.—
Он с неделю назад написал завещанье
И сказал мне, как Чехов: «Их штербе, жена»...

Веер птичья пера, птиц реки Ориноко,
Прянул медленно вверх и учтиво поник.
Веер тот, что Марго подарил одиноко
Умиравший в больнице несчастный старик.

Улетала душа в виде облака, пара
Из груди его в дальний предел неземной,
И витала в том облаке толстая Мара,
Что сейчас флиртowała бесстыдно со мной.

Кто ж она, разгадать помогите мне, люди?
Тень ее отряхните с меня, дерева!
Неужели о ней я мечтал, как о чуде,
Ей вручал сокровенные сны и слова!

Как могла она зло, вероломно нарушив
Всех законов супружества прочную власть,
Мне назначить свиданье, чтоб сердце и душу,
Чтобы гордую юность мою обокрасть.

Нет, не с нею я мчал на прицепе трамвая,
Нет, не с ней я читал на проспектах Москвы,
Как вьясь, выползала змея гробовая,
Будто черная лента из мертвой главы.

Вот сидит она рядом со мной на диване,
Под окном, где скользят облаков паруса,
У нее, словно в детстве, у девочки Мани,
Безмятежного, синего цвета глаза.

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

Чудское озеро в когтях скалистых кражей,
Над ним седого неба невода.
От ненависти к лютой силе вражьей
Кипит под льдом свинцовая вода.

Сквозь камыши метелятся посты
Дружины Невского... Лес пик встает на склонах,
А супротив их черные кресты
Псов-рыцарей на белых балахонах.

Глядит с презреньем грозный витязь-князь
На вражью гнусь ледовым синим взором.
И вихрем борода его, виясь,
Как знамя русичей, летит над косогором.

Могутен Невский... Блещет шлем-алмаз,
Стальные искры тают на зеркале.
Лик бледен, строг... Таким его не раз
Изографы в мечтаньях созерцали.

Вносили в золотые письма
Икон старинных в смолку палисандра,
И воинам советским в ордена,
Что носят имя князя Александра.

Но князь не знал об этом. Не алча
Себе ни аксамитов и ни славы,
Поднял дружину, чтобы, как свеча,
Не таял воск полей его державы.

Пошли вдоль вражья клина топоры
Гулять с кольчужным, погребальным звоном,
Как пишет летописец той поры,
«Пропахли снега железом паленым...»

Лед тяжело гнется, стонут берега
От битвы громоносного регистра.
Наотмашь рубит Невский, и рога
Летят с башки Великого Магистра.

Десницею железной кровь и пот
Стерев с лица, князь снова в пекле сечи.
Стеной несокрушимую народ,
За ним валит, разрывывая плечи.

Под свист мечей и копий харалужных
Грызутся кони, прыгнув на дыбы.
На небосвод в лучах восходит вьюжных
Звезда России, свет ее судьбы!

РИХАРД ЗОРГЕ

Рихард Зорге! Запомнил твой лоб и глаза я,
На газетном портрете, где креповый жгут.
После смерти твоей, палачей потрясая,
Сердце билось твое восемнадцать минут.

Восемнадцать минут! Это очень не просто
Пережить свою смерть за чертой роковой.
Восемнадцать минут отобрать у погоста,
У чугунных надгробий с плакучей травой.

Милый Рихард, прощай! Но могильная яма
Нас с тобой не разлучит — не тот габарит.
Говорят, до сих пор в казематах Сугамо
Кровь твоя по ночам, словно факел, горит.

Помнят люди твоей публицистики строки,
На колени она не вставала рабой.
Злобный, бешеный призрак войны на Востоке
Много лет безуспешно боролся с тобой.

Есть герои, чьих подвигов горные кряжи
Поднимаются к солнцу врагам на беду.
Беспримерный пример твоей службы на страже
Безопасности Родины встал в их ряду.

Не измерить словам, самым верным и чистым,
Всей могучей природы твоей глубину.
Ты родился, работал и жил коммунистом
И погиб коммунистом за нашу страну.

ИОГАНН ШТРАУС

Вечерами, когда, бросив теннисный корт,
Затихает наш дом, сновиденьями полный,
Он садится к роялю... И первый аккорд,
Словно факел, бросает в дунайские волны.

Изнутри освещенная зыбь на пески
Голубой увертюрой бежит вдоль отвеса,
Превращая полночные тени тоски
В царство сказок волшебного венского леса.

Как объемен рожденный в нем стереозвук,
Из тональности чувства, из красок природы!
Вот копыт ксилофонный летит перестук,
Птичьи трели плывут на туманные броды.

Это музыка вечности... Жить без конца
Дивным гаммам ее светотеней,
Потрясать аллегорической силой сердца
Всех народов и всех поколений.

Вальс кончается... Слышатся звуки трубы.
Где вы, Габсбурги, где? Трепещите, тираны!
Флаг повстанцев над Австрией, «Песни борьбы» —
Продолжение штраусианы!

Пролонгация чуда, что вновь и опять
В эфах скрипок, оркестра, в дыханье вербены,
Будет в танцах кружить нас, пьянить и пленять
Феерической музыкой гения Вены!

ГРИН

Землисто-желтый, призрачно-худой,
Страдая раком легких и желудка,
Грин умирал мучительно и жутко,
Сражаясь до последнего с бедой.

Был знойный день... За горною подковой,
Гвоздями сосен вбитой в горизонт,
Плескалось море в чаше известковой —
Туманный, легендарный Гелеспонт.

Стрелок из лука, огненные стрелы
Метал шиповник в грядки табака.
В бескрайнем небе плыли каравеллы —
Серебряной оснастки облака.

На Зурбаган их путь лежал сквозь штормы...
И Грин ушел... Даря в наследье нам
Слав совершенства, замысла и формы
И вечный след, бегущий по волнам!

ШЕРЛОК ХОЛМС

Каминный свет скользит в орбитах век...
Дым трубки к углям тянется Кардиффа...
В массивном кресле дремлет человек,
Похожий резким профилем на грифа.

Над Бейкер-стрит багровая луна...
В лучах ее смещаются как чудо,
Контрастнее становятся тона
Зловещего «Багрового этюда»...

Дедукция... Отсюда нужно старт
Брать в сложном дерби розыска и сыска.
Напрасно ей бесцветный Скотланд-Ярд,
Гнушается, боясь издержек риска.

А результат?.. Конечный результат?..
Распутывая алиби мороку,
Забыв реторты, скрипку и халат,
Ловить убийц придется Шерлоку.

Туманен Лондон... Холоден, как склеп,
Вестминстер в зябкой сырости апрельской.
— Входите, Ватсон, надо вызвать кэб.
Вчера звонил мне лично принц Уэльский!

ГОРА ВИТОША

Высота орлиного полета...
Неба опрокинутая рама...
Княжево, Стенато, Копитото...
Утренней Софии панорама!

Речки Искр серебряная призма,
Зыбкие таинственные броды —
Это центр болгарского туризма,
Витоша, жемчужина народа.

Кажется, что можно пол-Европы
Оглядеть отсюда зорким взглядом.
В анемонах стрелчатые тропы
К дальним убегают автострадам.

Древних скал таинственные арки
Громоздятся справа тут и слева.
Говорят, что в этом лесопарке
Лилия живет, как королева.

Берегут покой ее морены,
Синий мох — гофмейстер горных скатов.
Салютуют утром ей сирены
«Чаек», «мерседесов» и «фиатов».

Панчарево, Павлово, Кладница —
Побывать везде сегодня надо.
Драгоценным кладом там хранится
Влаги минеральная прохлада.

Как в кино, на фоне рыжей глины
Крутятся вокруг меня пейзажи.
Крошечные, с пуговку, долины
Переходят в кряжистые кряжи,

Крепости, кресты церквей, пещеры
Убегают в даль за повороты,
Где стоят кустарника шпалеры,
Строгих сосен маршевые роты.

Пахнет пряным запахом шалфея,
Пни сидят над кручею солидно.
Мне не жалко даже, что Орфея
С лютней легендарною не видно.

Жизнь, подобно вечному хоралу,
Здесь звучит в любой озерной чаше,
Видел гор балканских я немало —
Витоша мне всех милей и краше.

София — Тырново, 1973.

КАРЛОВАРСКИЕ ВСТРЕЧИ

Кругами на подступах к сумрачной ночи
Богемских орлов замирает полет,
Когда каруселью в орлиные очи
Из мрака готический город плывет.

Как рыцарский щит, он поднял над лесами
Железную тень своих горных громад,
От бурь защищаясь, блестя ярусами
Алмазных витрин, как оплечьями лат.

На башнях граненых трехцветные флаги
Ко Вржидлу зовут под лесистой грядой.
Тебя напоит он из каменной фляги
Живой, побеждающей время водой.

И ты сквозь канву амбразур в ее пене
Увидишь мощный брусчаткою двор,
Где с Ульрикой Гёте, присев на ступени,
Ведет деловитый, мужской разговор.

Услышишь, как в утренней бронзовой сини,
Уродливо к впалой прижата груди,
Бессмертная скрипка поет Паганини
О муках творца своего Амати.

Кончается песня... И вот из извива,
Клубка, расплетаемых мысленно лет,
В окне появляется львиная грива
Карла Маркса, массивный его силуэт.

Смещаются, словно бы в калейдоскопе,
Великие тени, дожди и ветра.
Ржет конь... И, наметом пройдя по Европе,
Над городом в гору возносит Петра.

Далеко внизу мельтешит его свита,
Дрожат вместе с нею в пыли дерева,
Когда долетает к ним гром из копыта
Царева, храпящего зло жеребца.

Но разве запомнить мне всех, кто здесь жили,
И сколько сменялось одежд тут и лиц,
Тургенев и Гоголь... Бетховен и Шиллер,
Пред ними планета склоняется ниц.

Темнеет... Планируют листья в ущелье,
На крытые сыростью глянца торцы,
На своды убогой монашеской кельи,
На шпильи, аркады, мосты и дворцы.

Спит город... Его именитые гости...
И черная накипь его шулера,
Маркизы, сухие от желчи и злости,
Набобы, софисты и лже-доктора.

Спят розы, головки склонив на бульвары,
Пленительно прячась в гранитную сень...
И в вихре столетий на Карловы Вары
Сквозь грозы идет наш сегодняшний день!

К источнику светлой воды припадая,
Глашатаем мира вступил он сюда,
Горит на груди у него золотая
Звезда, как бессмертное пламя труда.

ВОЗЛЕ ПЛЬЗНИ

Возле Пльзни переправа...
К ней, вытягиваясь в струнку,
Угловатая Углава,
Мжа,
Радбуза
и Услава

Порождают Бероунку.

К Влтаве бег ее стремится,
Отшлифованный веками.
Клювы вытянув, как птицы,
Машут крыльями-руками

Облака, скользят по водам,
Мчат по сваям, в землю врытым,
К шахтам,
фабрикам,

заводам,
К мастерам их знаменитым.

О рабочие кварталы!
Как близки мне ваши думы:
Запах нефти и металла
Лязги,
шорохи
и шумы.

В громе том, где «ходят фрезы»,
Где блестят в огнях моторы,
Слышу голос «Марсельезы»,
Вижу всполохи «Авроры».

На земной оси рожденный,
Знаю я: не богом вечным
Ось ковалась, а стозвонным
Тяжким молотом кузнечным.

Кто он — русский из-под Вятки
Тот кузнец иль чех из Аша?
Данных нет, но все в порядке,
Кружит нас планета наша.

Соколов...

Рокицианы...
Кеб на рыжем каолине...
Вьются дымные тюльпаны
На горах и при долине.

Уголь...

шелк...

стекло...

машины..

Электрическая тяга...
Как хотели взять вражины
Их под свастику рейхстага.

Сорвалось!!!
Развев тучи,
Спас народ свои богатства,
Подвиг свой скрепив могучий
Сталью равенства и братства.

ХЕБ

Не сплю, не ем свой хлеб,
С утра хожу небрит.
Хочу поехать в Хеб,
Он тянет, как магнит.

И вот я на коне,
В «фиате»... И в четверг
Раскрыл ворота мне
Богемии Нюрнберг.

На Шпаличек сурьма
Легла вечерней мглы,
Колеблются дома,
Стираются углы.

Здесь улицы узки,
Подобны склонам гор,
Зажатые в тиски
Металлом створ и штор.

Над чешуею крыш
Знак восклицанья — шпиль...
Куда ни поглядишь,
Встает столетий быль.

Краснее сургуча
Багрила здесь торцы
Секира палача,
Звенели бубенцы

Шутов... И стук карет.
И крики торгашей
Неслись прохожим вслед
В бойницах этажей.

Настенный барельеф
Я вижу при луне:
В короне графской лев
Грозит когтями мне.

И странник-пилигрим
В щербинах камня сплошь
Зовет куда-то в Рим.
Иль в Мекку — не поймешь!

Но вот закончен круг,
Где ратуши гора.
Крайзингер — соудруг
Мне говорит: — Пора!

Винарня — дым, как гриб,
Пивные берега.
На стенах пасти рыб,
Оление рога.

Мне объясняет гид.
Блокнот, чертя пером:
Кто рыбу ест, сидит
Под рыбой за столом.

Кто любит дичь, весь день
Пирует, как маркиз,
Там, где рога олень
Склоняет важно вниз.

Нехитрый ужин наш
Закончен в полчаса.
Виразж... Еще виразж,
Дороги полоса...

В решетках, витражах
Густеет мрак и хлад,
Чеканя строгий шаг
Идет погранотряд.

Смещается в пурге
Созвездий неба креп.
Граница с ФРГ,
Не дремлет город Хеб.

Прага — Карловы Вары, 1974.

СОФИЯ АНДРЕЕВНА

(Маленькая поэма)

Потускнела заката вишневая ветка,
Черным крепом окно занавесила ночь.
За стеной тяжело умирает соседка,
И никто ей на свете не в силах помочь...

Жили в общей квартире мы, в общем, не гневно.
Резонатором встреч нам служил коридор.
— Как дела? Как спалось, вам, София Андревна —
Как скворец ваш, почтенный месье Филидор?

Отсверкали оркестра прощальные блицы,
Сын умчал с похорон в городок за Невой.
Только письма к соседке, как синие птицы,
Про кончину не зная, летят, как к живой.

Треугольные штампы, сургуч и печати...
Новогодних открыток офсетная гладь...
Весь трагизм этой почты в ее постулате:
Поступать, несмотря ни на что, поступать!

Умираем мы все — кто в кровати, кто в поле,
Кто в объятьях любви, кто от пули врага.
И щемящее чувство протеста и боли
Леденит мое сердце и рвет, как пурга.

Нет могуществу духа преград и предела:
Он штурмует вулканы космических тел.
Почему же могуществу нашего тела
От рожденья положен ничтожный предел?

Триста лет шелестит заурядная липа,
Вечно реки в ромашковый мчатся рассвет,
А хозяин Вселенной от вируса гриппа
Может в землю уйти восемнадцати лет.

Не от праздности строки вот эти пишу я,
А затем, чтоб, себе подчиняя судьбу,
Все дружнее народы всех стран на большую,
За счастливую жизнь поднимались борьбу!

За любовь, за искусство, за мир без болезней,
Чтоб, пройдя испытаний и бед карантин,
Крепче зерен гранита, железа железней,
Стал в дерзаньях своих человек-властелин!

Говорят, что земля, как магнитная лента,
На которой эмульсии блещет роса,
Всех людей, проживавших на всех континентах,
Всех живущих сегодня хранит голоса.

Люди, помните! Зря не сорите словами,
Не топчите их записи тайной гряды.
Мы еще непременно увидимся с вами
В баснословном икс-игрек грядущем году.

Под руками ученых в тот год из магнита,
Из холмов, что сумела земля нам сберечь,
Зазвенит, как родник, широко и открыто,
Возрожденная гением времени речь.

И подаст молодая, как лебедь-царевна,
Среди множества множеств различных имен
Свой девический голос София Андревна,
Та, в которую был я мальчишкой влюблен!..

ПАМЯТЬ

Земля еще дымилась в звездных пальцах
Вселенной, раскаленной добела.
Но память в мгле пещер неандертальцев
В рисунках их давно уже жила.
Глазами сфинксов в мир она глядела
В Египте у гранитных пирамид.
Советовались с нею Кампанелла,
Шекспир и Данте, Блок и Демокрит.
Железный шаг ваш, римские когорты,
Славянский шум прадедовских берез,
Бетховена могучие аккорды
Нам бережно герольд ее донес.
Когда беру перо на службу веку,
К бумаге приникая головой,
Я как бы опускаюсь в картотеку
Моей бессонной памяти живой.
К алмазным фундам, там, где по витринам,
Закованным в незримую броню,
Мне лично разрешенные Совмином
Своих сокровищ груды я храню.
Каскадами огня там блещет детство,
Сверкает юность, словно изумруд,
Рубины зрелости... и главное наследство,
Корона жизни — неустанный труд.
А эти камни тягостны и липки,
Под коркой ржавой мшистой чешуи,
Они мертворожденные ошибки
И промахи досадные мои.
Над ними в сейфе рядом, как солдаты,
Разбуженные горном поутру,
Стоят надежды, думы и утраты
Недвижно, прямо, словно на смотру.
И я иду... Дорога долго длится,
Шагаю под рассветной пеленой...
Характеры друзей моих и лица,
Они всегда в хранилище со мной.
Я не скупец... Ни кофру, ни комоду
Оставляю все, что в тайниках души.
Что дал народ, я все верну народу
И всех моих сокровищ витражи.
Упрямо время... Не переупрямить
Бег стрелок никогда и никому.
Лишь женщина одна, чье имя — Память,
Ни в чем не покоряется ему.

СОДЕРЖАНИЕ

Песня романтиков	3
Кораллово	3
Синева	4
Озеро Онего	5
Мстёра	6
Горы	7
Быструха	7
Восход	8
На берегу Сестры	8
Тетрадь	9
Серебряный олень	10
Мираж	10
Фантазия	11
Старая дача	11
Ночная Ялта	12
Маяк	13
Испанский дрок	13
Циклон	14
Амфора	14
Водоросли	14
Пески	15
Банальность	15
Реквием	15
Принцесса Марджид	16
Александр Невский	18
Рихард Зорге	20
Иоганн Штраус	20
Грин	21
Шерлок Холмс	22
Гора Витоша	22
Карловарские встречи	23
Возле Пльзни	25
Хеб	26
София Андреевна (<i>Маленькая поэма</i>)	28
Память	30

Лев Николаевич Кондырев
РУКОПОЖАТИЕ

Редактор — А. Михайлов.
Технический редактор А. И. Евтушенко.

Сдано в набор 29/IV 1976 г.
А 00671. Подписано к печати 29/VI 1976 г.
Формат 70×108^{1/2}. Объем 1,40 условн. печ. л.
1,60 учетно-изд. л. Тираж 100 000.
Изд. № 1778. Заказ № 2175. Цена 4 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской
Революции типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина 125865, Москва, А-47,
ГСП, ул. «Правды», 24.

ЭТО НЕОБХОДИМО ЗНАТЬ ВСЕМ

Строения, принадлежащие гражданам на правах личной собственности, дополнительно к обязательному страхованию могут быть застрахованы в добровольном порядке, исходя из их стоимости по действующим государственным розничным ценам.

● **ДОБРОВОЛЬНОЕ СТРАХОВАНИЕ** обеспечивает более полное возмещение ущерба в случае уничтожения или повреждения строения в результате пожара, взрыва, удара молнии, наводнения, землетрясения, бури, урагана, ливня, града, обвала, оползня, внезапного выхода подпочвенных вод, паводка, необычных для данной местности продолжительных дождей и обильного снегопада, селя, аварии отопительной системы, водопроводной и канализационной сетей, а также, когда для прекращения распространения пожара или при внезапной угрозе наводнения необходимо было разобрать строения или перенести их на другое место.

● **ДОГОВОР ЗАКЛЮЧАЕТСЯ** сроком на 1 год. Страховые платежи невелики и составляют в зависимости от местонахождения строений от 50 коп. до 1 руб. 20 коп. со 100 рублей страховой суммы. Их можно уплатить путем безналичного расчета через бухгалтерию по месту работы или наличными деньгами страховому агенту.

Более подробно ознакомиться с условиями страхования можно в инспекции Госстраха или у страхового агента.

Главное управление государственного страхования СССР